

ПИСАТЕЛЬ, ТЕЛЕВИЗОР, ЗРИТЕЛЬ

Лайош МЕШТЕРХАЗИ, венгерский писатель

НА ДНЯХ в одной из газет мне попался на глаза шуточный афоризм: «Чтение — способ приобретения знаний и культурного времяпрепровождения, применяющийся людьми до изобретения телевидения». Вудь это всего лишь плод остроумия журналиста, а бы не задержал свое внимание на этом афоризме, но мне кажется, что так думают многие.

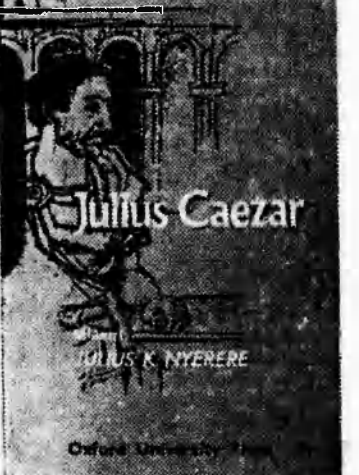
В газетах и журналах начала нашего века можно найти высказывания многих деятелей культуры, выражающих опасения, что кино вредно отразится на посещении театра и на чтении книг. На сколько они были правы, решить трудно. В то время в Будапеште закрылось несколько театров, превращенных в кинотеатры, вклад нового вида искусства — кино — был гораздо более значительным, чем потеря этих нескольких театров! А сколько от появления кино выиграли сама драматургия, уровень сценической техники и актерское мастерство! Что же касается чтения, то в эпоху появления кино только три процента венгерского населения регулярно читали художественную литературу. Теперь этот процент увеличился в десятки раз. Непосредственную связь между этими двумя явлениями найти трудно, тут, конечно, значительная роль принадлежит социальным изменениям, но несомненно также, что появление кино способствовало общему росту культурного уровня, а значит, и повышению интереса к произведениям художественной литературы.

Когда я впервые смотрел на голубой экран, у меня заболели глаза. «Это изобретение еще далеко от совершенства», подумалось мне тогда. — А я, вероятно, до конца жизни и не могу привыкнуть. Не прошло и трех лет, как у меня в квартире появился телевизор. Только тогда я понял, какое очарование таится в этом изобретении. Радио можно слушать, занимаясь чем-нибудь другим, слушать рассеянно, телевизор требует полного внимания. Телевидение нельзя не верить: человек не может не верить своим глазам.

Шекспир на языке суахили

Издательство «Оксфорд» Юни-версити Пресс» выпустило в свет полный текст пьес Шекспира «Юлий Цезарь» в поэтическом переводе на язык суахили. Перевод выполнен президентом Объединенной Республики Танзания Джу-люсом Ньерере.

На снимке: обложка книги, изданной в Найроби.

Говорят о соревновании между телевидением и театром. Но подумайте о том, сколько зрителей видело пьесу «На дне» в передаче Московского телевидения. Их, наверное, было больше, чем во всех венгерских театрах вместе взятых. Невольно возникает законный вопрос: действительно ли телевидение вредно отражается на развитии драматургии и театральной культуры? А если мы еще вспомним, что из двух-миллионного населения Будапешта регулярно посещает театр не более четырехсот тысяч человек и что ежедневно четыре миллиона венгров смотрят по крайней мере один хороший театральный спектакль, то приходится сделать вывод, что телевидение собирает на спектакли такое количество зрителей, о котором раньше театр не мог и мечтать.

Вернемся теперь к афоризму: верно ли, что с появлением телевидения люди стали читать меньше? Я никогда не встречал человека, который из-за телевизора перестал бы читать. Мне уже приходилось слышать пожелания, чтобы лучшие телевизионные передачи выпускались в виде книг. Здесь наблюдается примерно то же самое, что и при инсценировке романов. Каждую неделю по Венгерскому телевидению выступают писатели, рассказывают о своих новых произведениях и замыслах. А на следующий день заметно увеличивается спрос на книги в библиотеках и книжных магазинах. Телевидение как бы приводит читателя в дом писателя, и это уже не просто писатель, а человек, с которым мы познакомились лично в интимной обстановке своей квартиры. И люди потом берут книгу в руки, уже зная о том, кто ее автор и

Статья, которую мы в сокращенном виде перепечатаем из западногерманской газеты «Ди Вельт», под названием «Современный литературный стиль» представляет на наш взгляд, интерес не столько как обзор, сколько как попытку осмысления современного литературного языка. Формалистическим языком западногерманских авангардистов многие из которых упоминаются в статье, автор противопоставляет литературу значительного общественного звучания.

В НАШИХ критических кругах то и дело приходится слышать голоса о скоростной литературе или иной традиционной литературной форме. По всему фронту поэтического творчества сплошь смертные случаи, объявления об уходе, списание со счетов. Вот это устарело, слышу я, это больше не годится — написать, скажем, роман с живыми человеческими образами. Или, например, рассказать историю не задом наперед. Неужели, скажут, вы хотите перевернуть сложившуюся традицию? Многие уже не идут у нас на то, что раньше говорили. Кто из авторов, рассчитывающих, что его примут всерьез, еще решится дать портрет героя, соотнести факты, развить действие? Нет, это не годится, трещат все сошки, как не годится больше для литературы деятельность профсоюзного клуба, жизнь провинциального университетского городка, мир фабрик и фабричных заводов. Политические мотивы, рабочая поэзия — все это, говорят нам, больше не годится.

Лет 50 у нас в ходу эти мрачные пропорции на уст литературных авторств, которые очаровывают запретные зоны: вот это годится, а вот это уже нет. После известия о писателях Г. Горбаньстале у нас, как известно, все катится под гору, и конца этому не видно. Всюду сокращения, молчание, онемение.

Имеется в виду написанное в начале века эссе австрийского писателя Г. Горбаньстале «Письмо к Я. Я.», в котором автор критикует политическую оценку возможности языка, слова как средства художественного выражения.

почему эту книгу стоит прочесть.

Вряд ли кто-нибудь выразит опасение, что передача по изобразительному искусству, прогнута по картинным галереям, рассказ о выдающемся художнике или скульпторе могут уменьшить посещаемость музеев. Как раз наоборот! После телевизионной передачи, посвященной Будапештской национальной галерее, число посетителей галереи за несколько дней превысило все до сих пор зарегистрированные за несколько десятилетий цифры. Просто телевидение должно стать еще более совершенным, чтобы мы могли увидеть картины художников со всеми оттенками цвета.

Мне уже перевалило за пятьдесят, в юношеском возрасте я прошел все курсы учения, которые мне полагалось пройти, получил высшее образование, кое-что научился и позже, довольно много путешествовал, прочитал много хороших книг, и все-таки,

Рисунок А. Соколова

с тех пор как у меня есть телевизор, я узнал чрезвычайно многого нового, мои познания окружающего мира необыкновенно расширились, я смог побывать в иных странах и даже за пределами нашей земли. Телевидение да-

ет нам возможности новых ассоциаций, новых сравнений, необыкновенно расширяет наш кругозор, да еще на основании общих коллективных переживаний.

Я думаю, что люди, опасаясь того, что телевидение якобы может принести литературе вред, исходя из неправильной предпосылки, будто литература и книгопечатание — издревле и навеки сиемские близнецы, забывая при этом, что произведения Гомера родились за две тысячи лет до появления телевидения, а Вергилия и Горация — за полторы тысячи лет до изобретения печатного станка.

Нет, я не боюсь, что телевидение может вторгнуться во владения литературы и завоевать их.

Телевидение обеспечивает писателю самую широкую публику, дает нам неограниченные возможности, и лишь от нас самих зависит использование этих возможностей. Но вместе с тем телевидение — не просто передатчик уже существующих литературных жанров, одновременно оно играет роль в создании новых жанров. Ведь телевизионная программа передается для всей страны, но смотрится каждым человеком в отдельности в кругу семьи и воспринимается как обращение к нему лично. Слово, это — и накладывает отпечаток на телевизионные передачи, влияя на их стиль, создает новые литературные жанры.

Разрешите привести пример из моей практики. Мне часто встречались в жизни случаи, которые заставляли задумываться. До сих пор я вспоминаю такие случаи, приводил в качестве примеров в газетных статьях. Теперь я пишу целую серию маленьких рассказов для телевидения. На основе каждой истории создается коротко-

метражный фильм. Сначала показывается этот фильм, а потом вместе со зрителями мы его обсуждаем. Иногда я сам удивляюсь, как много нового и интересного возникает в связи с какой-нибудь маленькой историей... Мы называли этот новый жанр притчей, и несколько таких притч уже передавались по телевидению.

Теперь посмотрим на оборотную сторону медали. Здесь стоит обратить внимание на множество слабых и скучных телевизионных фильмов, безвкусных эстрадных программ, на многие даром потраченные часы, которые мы проводим у телевизора, привлеченные заманчивым или многообещающим названием. А ведь низкий художественный уровень опосредствованно влияет и на мировоззрение, так как портит вкус зрителей. Человек — существо организменное, и если портить его вкус — значит портить человека. Я мог бы много говорить об этой опасности телевидения, мог бы привести немало примеров, но полагаю, вы и сами можете привести эти примеры из вашей практики.

Телевидение — чудесное изобретение. С очень небольшим превращением, пожалуй, создаст бы, что последние несколько десятилетий после космических полетов и открытия атомной энергии самое значительное изобретение — телевидение. И точно так же, как достижения космонавтики могут быть использованы во зло или во благо людям, а атомная энергия для строительства или разрушения, — телевидение может оказать разрушительное влияние на человеческие души, но может оказать и большую пользу. Все зависит от нас самих.

БУДАПЕШТ

На бульваре Шампаль протирают аваяки штаны, Там девочки красивые, и много там всякой шпаны, И бродяги голодные спят на скамьях по ночам, И каната поймав проститутки сидят пытаются там.

На бульваре Ринсар-Ленуар мисс Ринсар повстречалась Леблан, Был он бледен, астралас с трудом на ногах, но совсем не был пьян, «Поскорее отсюда бегу», — он скавал мне, — Прошам полицейские здесь, Было холодно им — и дубинками их нукается я весь».

На бульваре Итальянских приля, на испанца наткнулся я там, Магазины Дюпона похожи на храм. Была испанец обворован и кром, И в отбросх он хлебную корку искал, а потом... у дверей магазина «Какая скотина!» — воскликнул какой-то моск, На испанца метнув осуждающий взгляд, — Иностранцы весь хлеб наш съедят, И куда только власти глядят!»

На бульваре Вожирар мисс случай привел, и младенца увидел я там, Он в коробке для обуви спал под кривым фонарем, Спал он тихо (ах, прелесть!), так крепко он спал (о, кошмар!), Спал посредином он сном, Вот счастливец, поплавын тайком на бульвар Вожирар!

Дев в лесу, ночь в полночь Под небом открытым, Под чистыми звездами Жизнь я веду, Где они, эти чистые звезды? Не знаю.

Не видят их те, кто попал в беду, Дев в лесу, ночь в полночь Под небом открытым — Вот так мне приходится жить, Это — странное небо и грустная жизнь, Очень грустная жизнь.

БУДАПЕШТ

Жак ПРЕВЕР, французский поэт

Под открытым небом

На бульваре Шампаль протирают аваяки штаны, Там девочки красивые, и много там всякой шпаны, И бродяги голодные спят на скамьях по ночам, И каната поймав проститутки сидят пытаются там.

На бульваре Ринсар-Ленуар мисс Ринсар повстречалась Леблан, Был он бледен, астралас с трудом на ногах, но совсем не был пьян, «Поскорее отсюда бегу», — он скавал мне, — Прошам полицейские здесь, Было холодно им — и дубинками их нукается я весь».

На бульваре Итальянских приля, на испанца наткнулся я там, Магазины Дюпона похожи на храм. Была испанец обворован и кром, И в отбросх он хлебную корку искал, а потом... у дверей магазина «Какая скотина!» — воскликнул какой-то моск, На испанца метнув осуждающий взгляд, — Иностранцы весь хлеб наш съедят, И куда только власти глядят!»

На бульваре Вожирар мисс случай привел, и младенца увидел я там, Он в коробке для обуви спал под кривым фонарем, Спал он тихо (ах, прелесть!), так крепко он спал (о, кошмар!), Спал посредином он сном, Вот счастливец, поплавын тайком на бульвар Вожирар!

Дев в лесу, ночь в полночь Под небом открытым, Под чистыми звездами Жизнь я веду, Где они, эти чистые звезды? Не знаю.

Не видят их те, кто попал в беду, Дев в лесу, ночь в полночь Под небом открытым — Вот так мне приходится жить, Это — странное небо и грустная жизнь, Очень грустная жизнь.

БУДАПЕШТ

Однажды утром Он ничего не боялся, Он никого не боялся, Утром, однажды утром Ему показало, что нечего Послазало в доме его, Но он сказал: «Ничего, Нет ничего!» И был прав он, Всегда рассуждал он здраво... Утром, однажды утром Ему показало, что нечего Стоит перестать думать, И дверь он открыл, и снова Закрм и скавал: «Никого! Нет никого!» И был прав он, Всегда рассуждал он здраво; Было никого... Не вару! Его окутали испуг, И он понял, что он один, Но не совсем, а вокруг То же самое все и не то: Было нечто с ним рядом И была некто с ним рядом Никто, Перевел Михаил КУДИНОВ

Рисунок Л. Самойлова

Рисунок Л. Самойлова

техническая поэзия. У нас это так, но кто знает, надолго ли? Думаю, что до того лишь дня, когда придет поэт, который докажет обратное. Программные заявления о смерти заканчиваются быстрой.

Наши литературные авторы все время повторяют одну и ту же ошибку: они пытаются изучать литературу в стихах, в прозе, в слове, но никак не пытаются ни с объектом, ни с нравственным, ни с творческим писателем. Старое буржуазное представление, будто литературу можно безнаказанно использовать для объективации! Но этого нельзя делать. Зубовский скрежет тех, кто сегодня кусает себе губы по поводу неожиданной популярности Хоуута, — следствие этого простоя. Пришел некто и доказал, что слово должно быть связано с объектом и моралью. А как бы им хотелось помешать атому!

«Это годится, а это нет» — пара покончить с такими командирскими окриками. Судьбы литературы в конце концов зависят не только от развития языка. Они зависят от воли и творческой энергии тех, кто им пользуется.

Рисунок Л. Самойлова

СВЕТЛОЕ ЧУВСТВО УТРА

СИЦИЛИЯ

Микола БАЖАН

РАСКРЫВАЯ книгу «Я не поэт», сразу же ощущаешь, что читаешь книгу именно поэта — большого, страстного, многообразного. Не из-за стремления к странности, к парадоксальности, как назвала Иньяцио Буттига сборник своих стихотворений, недавно вышедший в хороших русских переводах. Названия книги он хотел подчеркнуть глубину своего отчаяния от тех современных салонных погов, самолюбивых, полных снобизма и претензий, которых Буттига именуется «латинскими поэтами»: они пишут песни, остающиеся в болоте. А также, как Буттига, пропускаясь через мир, пропускаясь через мир, напоенный этим светлым чувством утра и пробуждения, что вовсе не значит, будто она идиалична и благодушна! Она оптимистична не показной, наигранной болтовней, а здоровой человеческой сутью своей.

Стихи, собранные в книге, прекрасно объединяют традиции народной сицилийской поэзии, которые хорошо знает и ценит Буттига, и искания современного сти-

вонтия». Это и должно быть по ир-ву одному из стай буревестников, родственных горьковскому.

Поэзия свою Буттига насыщает атмосферой классовых схваток, борьбы за счастье, за мир. Страстно утверждает он такую гражданственность поэзии в стихотворении «Я не поэт», давшем название сборнику.

Поэт щедр в ненависти, но еще более щедр в любви, в утверждении надежды, в радостном прозрении будущего (стихотворение «Любовь»). Буттига органически не может быть одиноком — без людей и вне людей он не мыслит себя. Такой человек, как Буттига, не спит, пробуждая людей. Он всегда просыпается с их первыми голосами («Голоса людей»).

Поэтому он видит и утро, и солнце, он видит и небо, где прохлещит «новое чуду» его современников, одному из которых — перекрестнику креста — Мисса Юри Гатарино он посвящает стихи. Сицилианский поэт сумел глубоко проникнуть и в душу украинского крестьянина, ослепшего от пыли итальянского солдата, и рассказать о сложном процессе не христианского прощения, а понимания советским человеком причин, заставляющих итальянского крестьянского сына идти в разбойничий поход на советскую землю. Меня извлекло из стихотворения в Италии на собрании Общества итало-советской дружбы я видел одного активиста общества. Он тоже был счастлив — от ран, полученной под Сталинградом...

Бажан, очень близкая советским людям а книга стихов итальянского коммуниста, близкая своей революционной страстностью, своей человечностью, богатством своих мыслей и чувств.

С ДОБРОЙ И УМНОЙ УЛЫБКОЙ

ПРАГА

Андрей БИТОВ

ЧУВСТВО правды и чувство юмора, по-видимому, должны покидать человека последними. Пока они присутствуют, человек еще жив, что бы с ним ни случилось. Первое поможет осознать себя реально в этом мире, а второе — отнестись к этому своему реальному положению оптимистично...

Страна, где умеют шутить, умеют работать. Она обязательно создает нечто самое лучшее в мире, как правило, в области, требующей особого мастерства и умения. На ее великий великий первоклассное производство — скарлатинский изобретательский прибор. Или страна рождает великого писателя.

Иногда это не один писатель, а целая литература, незаметная, но удивительная, слышит удивительный по ясности, очень близкий народный голос. Так было с Чеховым, давшим миру в этом веке целый ряд прекрасных писателей. Трезвость и вера в жизнь, улыбка и поэзия Гашека, Чапека, Незвала.

«Смешительная замка увидела при-видение и подала об этом заявление». «Домовой мостильница Гусики». Рассказы чешских писателей. Издательство «Молодая гвардия».

цев, но зайцев было мало. Зато число их в отчетах возросло до миллиона. Потом трех миллионов. Когда, наконец, к концу года все выяснилось, оказалось, что зайцев отстреляли меньше, чем в прошлом году, и поэтому они пополнили много холостых садов.

Эти рассказы Йозефа Несвады и Роберта Гилла.

Лучший, пожалуй, в книге — рассказ Йозефа Шкворцова «Мой не-путевый папа и я». Быть может, потому, что он в своем реальном выра-жении на той же традиции, которая является столь плодотворной для чехословацкой литературы.

Про этот сборник, наверное, можно сказать, что тут не вошли многие интересные современные чехословацкие писатели, а те, что вошли, представленные, быть может, не самыми значительными произведениями. Но уже по этой небольшой книжке можно судить, что в литературе Чехословакии произведения писателей-сатириков занимают видное место.

«Если б люди болались говорить о том, что они видят, тогда вся жизнь не стоила бы ни гроша» (Карел Михал).

Вот истинно писательский принцип. Стоит прочесть эту книжку и ждать следующую.

НАШИ ГОСТИ В Месену, по приглашению Союза писателей СССР, прибыл генеральный секретарь Междупартийного ПЕН-клуба Давид Карвер. Д. Карвер проведет в СССР десять дней, ознакомится с литературной жизнью нашей страны, побывает в Ленинграде и Тбилиси.

Дорогие читатели!

Во всех отделениях связи, пунктах «Союзпечати» и у общественных распространителей печати по месту работы и в ЖЭК можно подписаться на

«ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ»

НА 1966 ГОД БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ.

В случае отказа в приеме подписки на «Литературную газету» просьба сообщить об этом по адресу: Москва, Цветной бульвар, 30, издательство «Литературной газеты».

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на еженедельник «ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ»

НА 1966 ГОД

Подписная плата: на 1 месяц — 52 к., на 12 месяцев — 6 р. 24 к. Издательство «Литературной газеты»

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ. Редакционная коллегия: А. БЛИНОВ, Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИЯ, Ю. КОМАРОВ, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, О. ПРУДКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ (зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм: Москва, Литгазет). Телефон: «Литературная» — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 8-89-33, искусства — В 1-11-89, литературный отдел — В 8-89-17, иностранной жизни — В 8-84-08, иностранная жизнь — В 8-84-08, информация — К 4-08-69, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-84. Коммутиатор — К 5-00-00.

ИНДЕКС 50087. Типография «Литературной газеты»: Москва И-51, Цветной бульвар, 30. В — 00744.